

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВА

С.И. Ануфриев, М.С. Хабибулин

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЙ «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ», «ПЕРЕМНЫ» И «РИСК» В УСЛОВИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Институт развития образовательных систем РАО, г. Томск

Возрастающая взаимозависимость процессов и систем в мире, увеличивающаяся сложность структур и организаций, утверждение нового образа мира как мира перемен, характер которых необъясним с позиций традиционных представлений – все это обрисовывает лишь самые общие контуры современной жизненной ситуации и вызывает необходимость нового объяснения многих аспектов социокультурной жизни. В поле нашего внимания – один из таковых: новая природа и новый характер современного управления. Проблемы, связанные с данной темой, оказываются сегодня в фокусе культурфилософских размышлений и относятся к наиболее актуальным, требующим новых форм решения.

Необходимость определения понимания понятий «неопределенность», «перемены» и «риск» связывается со следующими обстоятельствами. Во-первых, констатация коммуникативной онтологии современной культуры требует пересмотра в адекватном направлении и онтологии управления. Несоответствие управленческой деятельности природе культурных связей, как они складываются в информационно-коммуникативном обществе, ведет, в первую очередь, к неверному или затрудненному принятию решений, к торможению социокультурного развития, к отходу от его стратегических ориентиров, прогнозных планов и проектов.

Во-вторых, коммуникативное общество, являя собой постоянную неустойчивость, движение, перемены, риски, самоорганизацию коммуникаций, не может базировать себя на определенности и точности прогнозного развития. Его самоорганизованная коммуникативность непрогнозируема, движение связано с неопределенностью. Все это заставляет обратить внимание на «риск» как явление онтологическое и исследовательскую категорию, которая в условиях коммуникативной социальности и культуры получает культурфилософский статус.

В-третьих, констатация антропологического поворота современной культуры делает вызов современному управлению, которому до сих пор оказы-

ваются присущими антропологические дефициты. Новый характер управления, в рамках разработки которого проведено настоящее исследование, ориентируется на устранение указанных дефицитов.

В связи с этим встают следующие вопросы. Если современное общество предстает как находящееся в постоянном движении и, не случайно именуемое постиндустриальным, не имеет устойчивого настоящего (той твердой и прочной основы, на которой можно остановиться, стоять), но непрестанно оказывается в залоге «пост-» (после себя), то современный объект управления предстает в постоянстве «разрывов» тем пространством «между», которое возникает как «отношение» между тем, что только что было и тут же превращается в нечто другое. «Бегущая» современность являет себя «мерцаниями», «разрывами», «маргинальностями», «переломами». Что в таком случае сегодня подлежит управлению? И не может ли, действительно, такое управление быть связано с риском?

Современная социокультурная реальность развивается вероятно, с высокой долей неопределенности. Н. Луман утверждает, что управленческие решения субъекта вводят альтернативность в настоящее, данное как результат неизменяемого прошлого при попытке изменить реальность [1, с. 14]. Понимая под неопределенностью «высокий уровень вероятности того, что наши представления о физической и социальной реальности неточны» [2, с. 3], мы исходим из того, что «будущие ситуации, к которым мы приспособляем наше поведение, обычно зависят от поведения огромного количества объектов и обусловлены столь большим числом факторов, что мы и не пытаемся все их принять во внимание, а тем более оценить и суммировать их индивидуальные значения» [3, с. 1].

Его сущность понятия «перемены» раскрывается через противопоставление со стабильностью, постоянством, являющимися основными чертами индустриального общества, в котором культурфилософская реальность концептуализируется как

метафизическая, основанная на базовой субстанции. Базовая субстанция, жестко регламентируя социальные практики, препятствовала переменам и снимала неопределенность. В этом типе общества будущее предопределено, управленческие решения, осуществляясь, приводят к запланированному ранее результату. Изменения реальности были предсказуемы.

С возрастанием роли информации происходит деконструкция базовой субстанции. В условиях меняющегося мира, когда информационные потоки приводят к быстрому формированию и немедленному разрушению базовой субстанции, она фактически перестает существовать, так как не успевает складываться. «Перемены» явились прямым следствием заступления информационной эпохи. В свою очередь, быстрые и постоянные перемены порождают поле риска, где будущее неопределенно, а управленческие решения, осуществляясь, порождают еще большую неопределенность.

Категория «риска» непосредственно связана с «переменами» и является их прямым следствием. Последствия реализации принятых субъектом управленческих решений становятся неопределенными, но эти рискованность и неопределенность являются важнейшим условием для выработки управленческих решений в информационном обществе. «Риск» – управленческое выражение понятий «перемены» и «неопределенности». Но если «перемена», «неопределенность» приобрели в информационной культуре онтологическое значение, характеризуя ее постоянное бытие в движении и неустойчивости, то «риск» – категория управленческая, выражает характер принятия субъектом решения в ситуации непрогнозируемости и открытости будущего. Риск в информационной культуре получает также онтологический статус, выражая специфику ее состояния, когда ее базовой характеристикой оказалось знание в форме информации. Отличие знания и информации состоит в том, что информация может содержать в себе различного рода (истинные и ложные, вероятностные и ошибочные и т.п.) знания, которые субъекту (в нашем случае – управленцу) следует упорядочить, найти, выбрать. Все эти деятельностные шаги, безусловно, могут быть основанными на риске.

Определяя феномен риска, исследователи делают акцент на различных аспектах анализа категории «риск». У. Бек отмечает тенденцию к глобализации рисков. Становление «общества риска», «общества опасности» сопровождается постиндустриальное культурное воспроизводство и носит транснациональный характер [4, с. 213]. В социальной сфере риски уравнивают всех, кто к ним причастен.

Другой исследователь Э. Гидденс анализирует риск на уровне социальных систем, и, так же как и

У. Бек, связывает многократное увеличение значимости этого фактора с тенденциями культурной, социальной, экономической глобализации. Глобализация интенсифицирует процессы социального производства. Возрастает сложность социальных систем и отношений. Э. Гидденс, как и У. Бек, отмечает увеличение числа непреднамеренных последствий (unintended consequences) социальных действий. «Сегодня человек окружен рисками, идущими от технологических и социальных систем. Угрожающие риски выходят из-под контроля не только индивидов, но и огромных организаций, включая государства. Неизбежность такой ситуации ставит под вопрос онтологическую безопасность человека» [5, с. 10].

Э. Гидденс отмечает, что риск является следствием и неотъемлемым фактором процесса принятия управленческих решений в условиях социокультурных коммуникаций. Управление становится рискогенным вследствие динамического характера информационной культуры, в которой управленческое решение основывается на доверии к социальной системе. Доверие, по мнению Э. Гидденса, является необходимым для снижения или минимизации риска.

Другие грани категории «риск» рассматривает Н. Луман. Он ставит под сомнение рациональную природу риска, выделяя в этой природе два параметра. Во-первых, по Н. Луману, риск возникает из множества контингенций (т.е. случайно). Анализ риска в терминах рационального поведения индивида, а значит, возможность предсказания последствий социального действия, не вполне адекватен. Никто в действительности не сможет полностью измерить риск [6, с. 18]. По мнению Н. Лумана, отказ от риска, в особенности в современных условиях, означал бы отказ от рациональности. «Но если намереваешься наблюдать, – подчеркивает он, – как наблюдает рационалистическая традиция, тогда необходимо оторваться от свойственного ей понимания проблемы. Надо оставить ей проблемы, но при этом все-таки понимать, что она не может видеть то, чего она не может видеть» [7, с. 23].

К разработке управленческого значения категории «риск» инициирует, таким образом, современная информационная культура, компьютерные средства хранения, переработки и передачи информации, с чем всегда связана управленческая деятельность. «Экранная культура» – динамичная, ежесекундно меняющаяся, диалоговая, предполагающая диверсификацию и мультипликацию источников – стимулирует к риску управленческое решение.

В доинформационную культуру, когда управление основывалось на знании, а знание представляло проверенный практикой результат познания, ос-

нованный на истинности и непротиворечивости, управление, конечно, не имело необходимости быть рисковым, опираться на риск. Оно опиралось на жесткий прогноз и план, которые в ситуации устойчивости и определенности развития не требовали выбора решений из числа бесконечных альтернатив, быстрого принятия управленческого шага. Все было predetermined. Информационная же культура опирается на информацию не как знание (в классическом смысле), а на сведения любого характера, противоречивые, в том числе и не обязательно достоверные, – эта культура с необходимостью вызывает риск в управленческой деятельности.

Управление в таком типе культуры имеет дело с новым антропологическим типом – «гражданином мира», не признающим власти определенных традиций и знающим лишь одну власть – власть потребления. Условия такого хаоса, обезличенности, скольжения по поверхности, где нет приоритетов, – это условия пространства коммуникации – полиэтничные, полидискурсивные, полилогичные и т.п.

Как принять в этих условиях управленческое решение? Ответ на этот вопрос и рождает потребность в категории «риск», в определении ее статуса и значения.

Таким образом, риск становится ведущей, ключевой категорией современного управления.

Итак, ведущим критерием успеха является рефлексия субъекта на происходящие вокруг него изменения. Последствия реализации принятых субъектом управленческих решений становятся неопре-

деленными, но эта рискованность и неопределенность являются важнейшим условием для выработки управленческих решений в информационном обществе.

В условиях неопределенности только гибкость, рефлексия и отсутствие каких-либо априорных установок могут являться основаниями для принятия управленческих решений. Сегодня не существует моделей, которым можно было бы заученно следовать. Управлению в информационно-коммуникативном обществе нельзя научить, научиться или осмыслить его как постоянную величину. Возможно, в некоторых ситуациях предпочтительно отсутствие какого-либо регулирования и управления; в других ситуациях не представляется возможным выбрать набор значимых переменных и предпринять действие. Выжидательная позиция или позиция отсутствия управления, естественно, не означает отсутствия движения прочих акторов и переменных. Условия могут меняться и, так или иначе, осознаваться индивидом.

В классическом понимании управления присутствует субъект (управляющий) и объект (управляемый), в постсовременности – объект трансформировался в субъект, «движущийся» в соответствии с собственными установками или их отсутствием. Нельзя с уверенностью предсказать направление его движения, следовательно, нельзя им управлять. Тем не менее можно с большой долей риска, основываясь на собственных установках, «предсказать» его и действовать так, как если бы предположение было абсолютно реальным.

Литература

1. Луман Н. Решения в информационном обществе. М., 2001.
2. Haslam S.A., McGarty C. A 100 years of certitude? Social psychology, the experimental method and the management of scientific uncertainty // British j. of Social Psychology. Leicester, 2001. Vol. 40. No. 1.
3. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности. М., 1994.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. А. Григорьева, В. Седельника. М., 2001.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Пер. С. Баньковской // THESIS. 1994. № 5.
6. Луман Н. Власть. М., 2001.
7. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York, 1991.